

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Одно стихотворение, напечатанное въ моемъ журналь, навлекло на меня обвинение, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотворение заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размыщленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великий 1812 годъ прошелъ первую половину по прииша, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставивъ своему бессмертному преемнику славу отпора, побѣды и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно былоувидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событии новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучить Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай - де - Толли совершилъ имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, где равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю, одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облечень былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати - пяти - лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стонческаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось во-

все не таковыиъ: не только ропталъ народъ ожесточенный и негодующій, но даже опытныиъ воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженному враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденнный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко поэтическимъ лицемъ.

Слава Кутузова не имѣеть нужды въ похвалѣ чей бы то нибыло; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто изложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру—на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшою главой . . .
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ цими спить сей властелинъ,
Сей идолъ съверныхъ дружиńъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей осталъной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живеть !
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердить о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ . . . и проч.

А. Пушкинъ.

